

и так метко определять пути литературной эволюции, понимаемой как одно из проявлений и вместе орудий развивающегося национального самосознания. Поэтому, невзирая на то, что критика Белинского изобилует элементами философскими и эстетическими и что ей далеко не чужды, с одной стороны, психологический анализ, с другой — направление публицистическое, мы все-таки скажем, что в существе дела Белинский не был критик-философ, эстетик, психолог и публицист, а что он был по преимуществу *критик-историк*, и что в русской литературе ему должно быть отведено почетное место не только как основателю нашей литературной критики, но и как писателю, которому принадлежит почин в установлении основ рациональной истории новой русской литературы.

В. Г. КОРОЛЕНКО

Памяти Белинского

В нынешнем месяце истекает ровно 50 лет со дня смерти Виссариона Григорьевича Белинского. Прошло полвека с тех пор, как перестало биться одно из самых чутких сердец и угас самый подвижной, беспокойный, пламенный ум, страстно, мучительно и искренно искающий истины, никогда не боявшийся расстаться с тем, что он признавал заблуждением, и пуститься в новый путь, для новых исканий. Полвека! Это, как известно, более, чем средняя продолжительность жизни. Как мало осталось людей, которые жили и думали одновременно с Белинским! Как много родившихся в год его смерти тоже сошли ужа со сцены! Целая человеческая жизнь, целое поколение, масса жизней, своего рода биологический пласт залег между последним вздохом Белинского и настоящей минутой, когда, благодаря этому юбилею, его образ оживает в нашем воспоминании. И однако оживает светлый и ясный, как будто ничто не отделяло нас от него, как будто он жил с нами все время, не перевставая стремиться и пламенеть, спорить и отрекаться, как во время своей недолгой жизни.

Да, 50 лет много времени. Мы давно уже не читаем большинства из тех книг, которые разбирал Белинский, о многих только и знаем потому, что их Белинский разбирал. Нужно сказать правду: часть его собственных писаний отошла уже в область истории литературы, многие страницы его сочинений читаются все реже той массой публики, для которой главным образом и назначены книги, и тревожатся чаще рукой специалистов-историков. Но эти же 50 лет показали ясно, что для сочинений Белинского в целом уже не будет смерти в обычном значении этого слова. Некоторые из них останутся всегда живыми, как и те творения, которым они были посвящены, которые они объяснили и осветили раз навсегда. «Нет, весь я не умру», — мог бы сказать Белинский вместе с великим поэтом, и пока будет звучать русская речь, до тех пор, наряду с именами Пушкина, Лермонтова и Гоголя, каждое новое поколение будет вновь и вновь слышать имя Виссариона Белинского и перечитывать его пророческие страницы.

Но и помимо этой формы посмертной жизни писателя в умах последующих поколений, помимо существования его книг, возобновляемого в целом или частью на печатном станке, — есть еще другие формы этой жизни. Мы не говорим уже о том, что в каждом новом творении литературы, в каждой живой статье, стихотворении, рассказе и философском трактате, во всем этом многоголосом хоре, который мы называем своей литературой, — возобновляются и звучат давно смолкшие голоса и ожидают давно угасшие мысли людей, думавших и писавших ранее, «их же имена Ты, Господи, веси!» Это все-таки мы называем смертью. Ведь и над каждою могилой зарождается новая жизнь: в аромате цветка, в колыхании травы, в шепоте буйной листвы намогильного дерева мы слышим веяние жизни, истлевшей под могильным дерном, растворившейся безлично, но не бесследно в общем, никогда не останавливающемся жизненном потоке.

Белинский живет для нас, будет жить всегда не только этой безличной жизнью. Кроме той массы идей, которые он в течение своей недолгой карьеры пустил в обращение, которыми мы и за нами наши дети будут пользоваться, не всегда даже связывая их с первоисточником, — кроме стольких-то печатных томов и страниц, Белинский завещал нам еще цельный, живой образ, который останется навсегда, наряду с лучшими созданиями гениальнейших поэтов.

Этот образ — он сам, с его страстью к истине, с его искалечениями и искренностью.

Искренность была главная черта Белинского, и притом искренность в лучшем, самом глубоком значении этого слова. Знаете ли

вы, что такое искренность,— спрашивал, помнится, Помяловский. Это то свойство человека, когда он не способен к тени обмана, не только перед другими, но и перед самим собою. Мы так склонны держать истину, всю истину, в собственном обладании, мы так рады этому обладанию, что готовы пожертвовать многим для того, чтобы не расстаться со своей уверенностью, порой даже с ее иллюзией. Как часто случается, что человек уверяет себя и других, что он обладает истиной, когда она давно уже подточена в его душе темными сомнениями, как часто мы продолжаем курить фимиамы перед алтарями, которые давно уже покинуты божеством, или начинаем курить их перед такими, где божества никогда не было. Нет,— чутко прислушиваться к голосу, хотя бы самому тихому, самому робкому голосу сомнения, не заглушать его в темных углах души, а вызвать из этой глубины на свет сознания, прислушаться к нему, как к тихому лепету ребенка, устами которого, быть может, скоро заговорит твердый голос новой истины,— и не успокоиться, не примириться с собой до тех пор, пока в уме останется хоть тень неуверенности, пока она не смолкнет, побежденная, или не даст новой истины на место старой — вот что такое искренность мыслителя и писателя.

«Неистовый Виссарион», как его называли друзья, останется для нас навсегда лучшим воплощением такой искренности. Всю жизнь он горел этой жаждой, вся его жизнь — это неустанное стремление к такой чистой истине, не омраченное ни тенью сделок с собой, ни тенью компромисса с ложью. Он пламенел восторгами уверенности более, чем кто-либо другой, когда считал, что нашел ее, он страдал, когда являлось сомнение, глубже всех своих сверстников, и однако он скорее всех готов был отречься от того, что перестало быть истиной в его глазах. Кто знает, быть может, он именно оттого сгорел так быстро. К нему более, чем к кому бы то ни было, приложимо скорбное восклицание поэта:

Братья писатели, в вашей судьбе
Что-то лежит роковое...¹

Жизнь Пушкина и Лермонтова прекращена случайностью выстрела, Писарев утонул, Помяловский, Левитов и многое множество других писателей сами сокращали свою жизнь недугом, который еще Гоголь назвал «недугом талантливых людей» ... Целая масса причин усложняла явление, в среднем выводе называемое «роковой судьбой» русского писателя. Только в жизни Белинского оно является в чистом виде, в виде ничем не затемненной и не усложненной борьбы духа,

того пламенного сгорания нервов среди окружающей тьмы, которого и одного достаточно для объяснения «почему он так скоро сгорел». Это был истинный рыцарь духа, без страха и упрека, и русская литература всегда с гордостью будет обращать на него взгляды, как на своего подвижника и святого!

И это — быть может, самая бессмертная доля того, что нам осталось от Белинского. Поэзия дала нам идеальные образы,— но мы не можем забыть, что настоящий дон Карлос был только хилый и слабый волею отпрыск вырождающегося дома, что маркиз Поза жил только в воображении Шиллера, что действительная Мария Стюарт и жила, и умерла совсем не так, как в бессмертной драме. Между тем кристально чистый образ Белинского не разрушит уже никакая самая придирчивая историческая критика. Он был именно таков, и его жизнь, скристаллизовавшаяся в его творениях, письмах, поступках, выдерживает сравнение с самыми идеальными творениями фантазии с несомненным преимуществом полной реальности.

Около четверти века назад Некрасов вздыхал о том времени, когда народ

Не генерала строгого
И не милорда глупого,
Белинского и Гоголя
С базара понесет².

С тех пор прошло почти 3 десятилетия, в которые российский прогресс двигался своим неторопливым и неровным ходом, а мы все еще далеки от этого времени. Правда, газеты приносят то и дело известия, что в том или другом городе думы или просветительные общества собираются чествовать память великого русского критика. В Саратове инициатива принадлежит литературно-артистическому обществу, в Самаре вопроснесен в думу; в то время, когда читатель будет пробегать эти строки, родина Белинского, Пенза, соберет у себя много интеллигентных людей в память Белинского³. Но народ еще не знает его имени, к нему оно достигает разве отдаленными смутными отголосками. Вскоре после смерти Белинского многомиллионная масса русского народа получила свободу и (теоретическое, правда) равенство перед законом. Предстоит еще длинный путь до того исторического пункта, в котором исчезнет великое неравенство перед образованием. Белинский верил, что оно наконец исчезнет; для нас это уже не только вера, а убеждение, оправдываемое хотя бы и тихим, но несомненным направлением общественного движения.

А если так, то несомненно, что и мечта Некрасова сбудется, потому что, сколько бы ни понадобилось для этого времени,— образ Белинского уже не померкнет. Он пережил свой период испытания и остался нетленным, в ожидании, когда к нему проложится и уже

...не зарастет народная тропа!

П. Л. ЛАВРОВ

**Аннибаловы клятвы.
По поводу памяти Белинского
Послано для прочтения 7 мая 1898 года
на собрании русских***

Сегодня русская колония в Париже как бы заявляет свою со-лидарность с многочисленными собраниями русских, чествующих в этом году память одного из самых крупных деятелей нашей литературы и нашего общества. Перед русскою интеллигенциею 90-х годов этого века встали многочисленные вопросы, которых не знали люди его первой половины. Разнообразны слои этих жизненных вопросов, волнующих новые поколения и вызывающих в них сознание общего дела и сознание разницы в соперничающих фракциях; но, под этими слоями, добросовестный наблюдатель признает одну и ту же старую почву: и новое общее дело, и частные задачи новых фракций русской интеллигенции выросли на той почве, которую выработали литературные энтузиасты 40-х годов,

---

* Эту речь я имел в виду лично прочесть на русском собрании в память Белинского, но болезнь помешала мне исполнить это намерение. Кроме того способ созыва этого собрания навел меня в последнюю минуту на мысль, что на него, как и на дозволенные собрания в России по тому же поводу, могут сойтись такие мои соотечественники, которым будет *неудобно* выслушивать эту речь в том виде, как она написана. Я и послал ее для прочтения в несколько смягченной форме. Здесь ничего не мешает поместить ее в первоначальном виде.